

**«ОТГОЛОСКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ПРОЦЕСС НАД ЭСЕРАМИ В ЗАВОДСКОМ СООБЩЕСТВЕ¹**

Начало периода Новой экономической политики (1921–1922 гг.), стало тяжелым временем для советской власти и населения страны, когда разруха и хаос в экономической жизни перешли в социально-психологическую сферу. Этот период можно назвать временем разочарования большевиков в своей политической опоре, особенно в рабочих, которые не поддерживали власть безоговорочно, нередко выступая на стороне других социалистических партий (меньшевиков и эсеров).

Процесс над правыми эсерами стал первым показательным судебным процессом, в ходе которого новая власть отработывала методы политического контроля за населением, внедряла новые способы и приемы властного дискурса, направленного на заводское сообщество, формулировала идеи масштабного политического проекта – создания новой социалистической промышленности.

По данным историка А.М. Плеханова, началом подготовки процесса над партией эсеров можно считать 28 декабря 1921 г., когда на пленуме ЦК РКП(б) был решен вопрос о предании суду ЦК ПСР и создана комиссия (Ф.Э. Дзержинский, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин). 28 февраля 1922 г. газета «Правда» опубликовала статью «Работа эсеров», сообщавшую об их «контрреволюционной» и «террористической» деятельности [1, с. 526].

Подготовка к процессу над эсерами в Северо-Западной области началась еще в марте 1922 года. Она проходила в контексте кампании, посвященной Генуэзской конференции, в рамках которой пространство советской печати было заполнено информацией: о подготовке и ходе конференции, о различных «препонах», чинимых советской делегации в Генуе,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках выполнения проекта 15-01-00383а «Советский индустриальный политический проект: подготовка и начало реализации (1920–1932)».

о «борьбе» социалистов из II и III Интернационала против советской власти...¹

1 марта 1922 г. в «Петроградской правде» – центральном органе Северо-Западной области появляется новая рубрика: «Разоблачения о деятельности эсеров», в которой на протяжении нескольких недель печатаются выдержки из брошюры видного эсера Семенова, дискредитирующие деятельность партии социалистов-революционеров и другие сведения. Так, первые разоблачения касались убийства В. Володарского и покушения на В.И. Ленина летом 1918 г. Было особо отмечено, что в Государственном политическом управлении (ГПУ) находятся сведения «подтверждающие террористическую деятельность эсеров в годы Гражданской войны», ряд признательных показаний видных эсеров и содержался призыв ко всем правым эсерам – «явиться на процесс» [2; 3].

После открытия Генуэзской конференции (10 апреля 1922 г.) кампания против правых эсеров получает новый импульс. В прессе публикуются сообщения о противодействии деятельности советской делегации в Италии, передается информация о враждебной деятельности эсеров-эмигрантов по отношению к ней, на собраниях фабрик и заводов начинают ставиться первые вопросы о деятельности эсеров. Кстати, лозунгами первомайской кампании стали: «Делегации Советов в Генуе – наш наказ: мы победим... наша власть незыблема, права и границы Советской Республики – неприкосновенны», «Смерть убийцам вождей рабочего класса, смерть палачам Либкнехта и Люксембург, Урицкого и Володарского, Шаумяна и Джапаридзе, Авизбегова и Фиолетова» (явный намек на эсеров) [4].

Агитационная кампания «Генуэзская конференция и процесс над эсерами» получила свое развитие в мае 1922 г. Для подготовки агитаторов кампании 3 мая 1922 г. на общегородском собрании активных работников и бюро коллективов предприятий Петрограда был поставлен доклад Г.Е. Зиновьева и Канатчикова (заведующий Агитационно-

¹ Генуэзская конференция проходила в итальянском городе Генуя с 10 апреля по 20 мая 1922 года с участием 29 государств. Основным вопросом конференции было восстановление стран Центральной и Восточной Европы после I мировой войны, Фактически же основным вопросом стало признание РСФСР на международной арене и вопросы сотрудничества европейских государств с коммунистическим режимом.

пропагандистским отделом Петроградского губкома РКП(б)), еще 3 раза – 19, 22 и 31 мая проходили заседания агитационной коллегии. По городу было проведено 15 широких рабочих митингов, вынесших резолюции протеста деятельности правых эсеров, 47 общих собраний рабочих фабрик и заводов (с вынесением соответствующих резолюций), 10 собраний работниц и 1 общегородское собрание членов РКП(б) – бывших эсеров. Широко использовалась наглядная агитация. Кроме публикаций о процессе, были выпущены листовка «К суду заговорщиков – эсеров», тезисы Генуи и будущего суда, плакаты с краткой биографией и портретами Урицкого, Володарского, пули, извлеченной из В.И. Ленина. Для агитаторов и грамотных рабочих была переиздана брошюра Коминтерна «Эсеры на работе “против Советов”». С 20 мая 1922 года в районах Петрограда были организованы фотовыставки со «зверствами эсеров и зверствами Гражданской войны, которую они разжигали», а в кинотеатрах демонстрировались фильмы «Черные дни Кронштадта» и «Похороны Урицкого» [5, л. 8–9]. Резолюции, выносимые широкими рабочими конференциями, собраниями, митингами давали власти необходимую поддержку, использованную как формальное основание для начала процесса и обвинения эсеров в контрреволюционной деятельности.

В июне 1922 г. Севзапбюро, вслед за ЦК РКП(б), объявило о начале процесса над эсерами. Важнейшую роль в подготовке судебного процесса и формировании поддержки населением политики большевиков по данному вопросу играли губернские комитеты РКП(б) и губотделы ГПУ. Перед ними была поставлена задача «оторвать» от верхов партии революционно-настроенных рабочих-эсеров, дабы потом органически включить их в РКП(б), а также разоблачать стремление эсеровских лидеров «прикрыться» своим революционным прошлым [6, с. 117–119]. Впоследствии большинство бывших эсеров-рабочих действительно подали заявления о приеме в РКП(б), что трактовалось как безусловная победа большевиков и успешное выполнение местными чекистами своей задачи.

Поставленная перед структурами ГПУ цель реализовывалась следующими методами: 1) информационная деятельность губернских и уездных отделов ГПУ (сообщения обо всех явлениях антисоветской агитации, отслеживание поведения и деятельности членов Партии социалистов-

революционеров (ПСР) на предприятиях губернских и уездных городов); 2) арест эсеров, пользующихся влиянием среди рабочих, городского и сельского населения, 3) подготовка обвинительных материалов к процессу по северо-западным губерниям, 4) работа комиссии по административным высылкам.

Органы ГПУ на Северо-Западе в своих информационных сводках регулярно сообщали в ЦК РКП(б) и центральный аппарат ГПУ обо всех явлениях антисоветской агитации:

- «Расклейка анархических прокламаций в Василеостровском и Петроградском районах... Мелкая устная агитация контрреволюционеров и распространение литературы (на заводе «Атлас» – газета «Дело народа»)» [6, л. 7–8];

- «По всей границе – антисоветские настроения, связанные с плохим продовольственным положением в губернии, идет подпольная агитация против РКП(б)» [7, л. 5–6] и т. д.

После начала процесса над эсерами антисоветская агитация, по данным местных сводок, снижается: «Отношение населения к процессу над эсерами... о нем ничего не знают, но и не доверяют»; «антисоветские элементы особо ничего не делают, но заметны связи и группировки»; после проведения арестов некоторых эсеров «нет агитаторов, население, за исключением кулаков, стоит за Советскую власть...» [8, л. 4–7; 9, л. 3–11].

В июне – июле 1922 г. тон информационных сводок общероссийского масштаба меняется, обстоятельства требуют не только отслеживания поведения и деятельности эсеров, но и фиксации отношения к ним на предприятиях, настроений рабочих. Теперь сводки сообщали об «усилении контрреволюционной агитации, особенно эсеровской <...> Громадное большинство рабочих относятся к эсерам не сочувственно, в Санкт-Петербурге и Кронштадте прошли многочисленные демонстрации против эсеров с большим подъемом» [10, с. 165–167]. Тем не менее, ситуация на Северо-Западе была сложной. В Петрограде активизировались не только эсеры, но и меньшевики, хорошо организованное эсеровское отделение существовало в Пскове (в основном, оно распространяло свое влияние через кооперативные организации). Их влияние, наряду с работой меньшевиков, вызвало забастовки на торфоразработках Псковской губернии (особенно Великолукского уезда) и волнения в артелях Новгородской гу-

бернии [10, с. 172–174]. Все это обусловило повышенное внимание сотрудников ГПУ к промышленному сообществу Северо-Запада, активное наблюдение и слежку на предприятиях города и региона. Весной–летом 1922 г. почти на всех предприятиях региона принимались антиэсеровские резолюции. С.В. Яров приходит к заключению, что антиэсеровский настрой работников предприятий был связан как с успехом агитаторов, обвинявших эсеров и в политических, и в уголовных преступлениях, так и с введением коллективного открытого голосования, не позволявшего рабочим свободно высказывать свое мнение [11, с. 148–151].

В мае-июне 1922 г. началась разработка Петроградского губотдела ГПУ в Володарском районе Петрограда по расследованию антисоветских явлений (черносотенные прокламации, призывы к антисоветским демонстрациям). Некоторые работники 2 Государственной электростанции вызывались на допросы в ГПУ по поводу явной и скрытой «контрреволюционной агитации» [12, л. 10 об.]. Наиболее активно выступавших на собраниях рабочих ждал арест¹, инженерно-технических работников – административная высылка.

Псковская комиссия НКВД по административным высылкам, в которой решающее слово было за работниками губотдела ГПУ, 11 ноября 1922 г. приняла решение о высылке из губернии лиц, принадлежавших к партии эсеров, на два года за проведение антисоветской пропаганды по месту работы. Всем им было запрещено проживать в погранполосе, Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, Харькове, Ростове-на-Дону [13, л. 3–15]. При анализе материалов судебно-следственного дела ГПУ признаков «состава преступления» не обнаруживается. Это еще одна деталь политического контроля, неразрывно связанного с политическим сыском и карательно-репрессивными действиями спецслужб.

Затягивание процесса над эсерами, который проходил с 8 июня по 7 августа 1922 г., сыграло на руку властям, интерес к нему падал. С одной стороны, это означало переход рабочего активизма в скрытую форму, с другой – общую пассивность рабочей массы. Отдельные выступления на

¹ Например, упоминавшийся выше эсер Капустин, по данным С.В. Ярова, был арестован за выступление на общем собрании Обуховского завода 26 мая 1922 г. [11, с. 149–150].

собраниях против осуждающих эсеров резолюций не переросли в массовый рабочий протест. Немалую роль в этом сыграли методы политического сыска, применявшиеся ГПУ (например, на Александровском заводе в Петрограде существовала «активная группа лиц эсеровских убеждений, враждебно настроенных против Советской власти, имеет связь с другими заводами. Решено не проводить собрания по вопросу процесса над эсерами из-за возможного срыва») [14, л. 19], а также карательно-репрессивные меры к наиболее активным противникам большевиков. Тем не менее, обвинение в «эсеровской/меньшевистской направленности», в «неподходящем» партийном прошлом встречаются в документах ОГПУ и в конце исследуемого периода. Такие обвинения со временем становятся универсальной формой борьбы с активными и пассивными противниками мероприятий власти, а также просто с неудобными для нее людьми [15].

Процесс над эсерами 1922 года стал не только апробацией новой формы политического контроля – показательного политического процесса, но и апробацией некоторых способов властного дискурса. Были задействованы все возможные средства наглядной агитации: кино, фотографии, плакаты, листовки, печать, но и средства устного воздействия – различные приемы коммуникации, целью которой является изменение поведения индивидов. С помощью речевых средств обеспечивалась причинно-следственная связь между прошлым и настоящим, решениями власти и их основанием – поддержкой рабочих, опасностью для РСФСР со стороны внешних и внутренних врагов и ужесточением политического контроля спецслужб. Восстановление и развитие промышленности РСФСР объявлялось невозможным без этой борьбы и победы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Плеханов А.М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007.
2. Ленинградская правда. 1922. 1 марта.
3. Ленинградская правда. 1922. 2 марта.
4. Ленинградская правда. 1922. 20 апреля.
5. Отчет агитационного отдела Петроградского губкома РКП(б) об агитационной кампании «Генуэзская конференция и процесс над эсерами» // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 9. Д. 9234.

6. Государственный информационный доклад за 15 апреля – 1 мая 1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 460.
7. Сводки Островского уездного уполномоченного ГПУ за май 1922 г. // ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 108.
8. Сообщения начальников оперпунктов ГПУ в Псковской губернии за май // ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 108.
9. Сообщения начальников оперпунктов ГПУ в Псковской губернии за май // ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 109.
10. Обзор политико-экономического состояния РСФСР за май-июнь 1922 г. от 7 августа 1922 г. // «Совершенно секретно».
11. **Яров С.В.** Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб.: "Дмитрий Буланин", 1999.
12. Государственный информационный доклад за 1–15 мая 1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 460.
13. ОРАФ УФСБ по ПО. Д. 2081.
14. Государственная информационная сводка за 30 мая – 2 июня 1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 460.
15. **Офицерова Н.В.** К вопросу об изменении деятельности ВЧК-ОГПУ в заводском пространстве в 1920-е годы // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности. Материалы V междунар. науч. конф. 22-23 мая 2014 г., Петрозаводск, Издательство: Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск). 2014. С. 57-64.